

Черные тимуровцы

«Сумасшедшая помощь» Бориса Хлебникова смотрела Татьяна Алешичева

ПОСЛЕ «КОКТЕБЕЛЯ», снятого совместно с А. Попогребским, и «Свободного плавания» уже сложилась традиция сравнивать Бориса Хлебникова с Джармушем и Каурисмяки по общему тематическому основанию — с их персонажами, малыми мира сего, случаются самые разнообразные неприятности: их бьют по голове, они ночуют на улицах, теряют все. А сам Хлебников назвал своим любимым режиссером Билли Уайлдера — за то, что в его фильмах всегда есть простой и внятный сюжет. Уайлдер поработал в разных жанрах, но если искать сюжетные аналогии, сразу вспоминаются недотепистые и беззащитные персонажи уайлдеровских комедий, сыгранные Джеком Леммоном: вот большой неуютный мир, вот маленький ничтожный человечек, куда ему с миром тягаться, так что остается изворачиваться или бежать. Но как бы туго ни приходилось протагонисту, его злоключения — все равно комедия. Или все еще комедия.

Круглый смешной деревенский мужичок Женя (Евгений Сытый), похожий на

Винни-Пуха и Евгения Леонова, отправляется из белорусской деревни на какие-то мифические «заработки» в Москву, там сразу же закономерно получает по голове, ночует во дворе на лавке, где еще одни добрые люди снимают с него последние ботинки. На милость к падшим в первую очередь способны такие же падшие: Женю подбирает местный чудик интеллигентского вида и донкихотского склада (Сергей Дрейден). На счет того, что творится у него в голове, чудик быстро не оставляет сомнений, предлагая новому другу спасти симпатичную тетку, которую злобный муж-участковый (Игорь Черневич) якобы травит ядом. Спасти ее можно единственным способом — постричь, поскольку яд скапливается в волосах. Рыцари печального образа начинают чудить на пару, и не все их проделки безобидны. Одно дело убрать скамейку из-под окон старушки, которой досаждают шумные посиделки, или залезть в утиный домик на пруду, чтобы прочесть тайные знаки, оставленные утками, и совсем другое —

напустить газу в подвал, чтобы «спасти» заточенного там гастарбайтера.

В одном рыцари оказываются правы: самое злобное и опасное существо во дворе это недотыкомка-участковый. Здесь достоверность очень тонко сопрягается с абсолютной фантастичностью, милиционер — мощнейший образ, сочетающий анекдотичность и подлинную жуть. Он до смешного панически боится, что его уволят, и галлюцинирует об изгнании из органов усилиями ящеров в погонах. Он реально существует, но при этом раз от раза оказывается невидим; только если он проходит по коридору, его милицейские коллеги чувствуют, как оттуда несет замогильной гнилью. Действительность, ни на секунду не теряя своих вещественных черт и достоверных деталей, становится проницаемой для потусторонних материй. И происходит это у Хлебникова без малейшей натуги и видимых швов: сюжет может быть сколь угодно фантастическим и странным, но остается простым и понятным. Так же свободно и без видимых глазу маркеров грустное

сопрягается у него со смешным. Когда добродее идут на очередное дело, их приветствует, стуча крышкой, помойный бачок — примета, по которой они определяют, что поступают правильно.

Не в последнюю очередь органика достигнута за актерский счет. Чокнутый идеалист Дрейдена убедителен настолько, что чокнутыми начинают временами казаться все остальные. У дворового Дон-Кихота есть не менее занятная взрослая дочь (Анна Михалкова), смотреть на которую опять же смешно и грустно; одинокая добрая клуша назойливо пичкает отца таблетками якобы от простуды, а на самом деле — от обострения. «Обострение» было рабочим названием фильма, и в финале оно-таки происходит: обнажается конфликт, казавшийся доселе безобидным, и разворачивается вполне всамделишная битва добра со злом. Но и здесь изначально комедийный зачин позволяет Хлебникову идеально выдержать интонацию и уйти от всякого пафоса.

В прокате с 17 сентября